
О НАРОДЕ КНИГИ

Армянская тема в поэзии Б. Слуцкого

Георгий Кубатьян

1

Прежде чем начать, оговорим подзаголовок статьи. Подзаголовок этот условен донельзя, потому что в огромном поэтическом наследии Бориса Слуцкого, составляющем, судя по всему, несколько тысяч стихотворений¹, армянам и Армении посвящено только семь. Конечно, следует иметь в виду до конца не разобранный архив поэта; какие-то находки вовсе не исключены. Не случайно же четыре стихотворения из семи душеприказчик Слуцкого Юрий Болдырев обнаружил именно в архиве. Но ситуация в общих чертах очевидна. То, что мы назвали здесь армянской темой, лишено как единого замысла, так и какой-либо целостности. Перед нами разрозненные вещи, находящиеся на обочине творчества поэта. Даже не вещи, но вещицы, коль скоро не вкладывать в слово пренебрежительного смысла. Да, присовокупив к этим оригинальным его стихам немалое количество переводов с армянского (из Г. Эмина, С. Капутикян, А. Граши, М. Маркарян и др.), а к ним и прозаические страницы, посвящённые Геворгу Эмину и Маро Маркарян, мы получим небольшую книжку. Но что ж из этого? Так или иначе, перед нами, скажем образно, боковая веточка раскидистого дерева, дающая о дереве самое приблизительное, далёкое от полноты представление. Больше того. Стихи, о которых пойдёт речь, отнюдь не принадлежат к высшим образцам поэзии Бориса Слуцкого. Но ведь известно, что пристрастие к творчеству большого художника заставляет с интересом отнестись и к его рядовым, средним произведениям. Ибо средние не значит ещё посредственные.

Теперь остаётся лишь убедить читателя, что перед нами большой поэт. Единственное средство сделать это – сослаться на мнение коллег, стихотворцев и критиков. Начнём с Александра Межирова (1923–2009), поэта того же, что и Слуцкий «фронтového» поколения. Вот критик И. Фаликов припоминает свою беседу с ним; в беседе «чаще всего возникали имена Смелякова и Слуц-

¹ Приведём эпизод из воспоминаний поэта О. Чухонцева: «“Сколько у вас ненапечатанных стихов?” – спросил он меня однажды, в начале семидесятых. “Не знаю, – замаялся я с ответом, – не считал”. “У меня полторы тыщи”. Я тогда подумал, что он имеет в виду полторы тысячи строк. А когда его не стало и хлынул поток публикаций – и каких! – до меня дошло...» // **Чухонцев О.** В сторону Слуцкого // «Знамя», 2012, № 1 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/1/ch10.html>

кого. Особенно его – Слуцкого <...> Было совершенно ясно, что Межиров говорит *о первом, на его взгляд, поэте эпохи* (Здесь и далее курсив мой. – Г.К.). И дальше уже от своего имени критик уточняет: «...первый поэт – общее достояние и понятие общее. С ним мы и имеем дело, говоря о Слуцком. Или о Бродском»². Вот обращённые к Слуцкому стихи поэтессы той же «фронтальной» плеяды Юлии Друниной (1924–1991): «...самый сильный из поколенья / Гуманистов-однополчан». Вот Евгений Евтушенко, не раз писавший о Слуцком, уже после смерти поэта подводит итог его работы: «Теперь можно сказать, что почему-то не принято говорить при жизни: назвать его великим. Да, я убеждён: *Слуцкий был одним из великих поэтов нашего времени*. Во-первых, он создал свою поэтику, и его стихи безошибочно узнаваемы. Но этого мало <...> Великий поэт – это воплощение своей эпохи. Слуцкий воплотил ту её часть, которая не была воплощена такими его великими современниками, как Пастернак, Ахматова, Твардовский, Заболоцкий, Смеляков <...> “Кельнская яма”, “Писаря”, “Госпиталь”, “Последнюю усталостью устав...”, “Хозяин”, “Бог”, “Хуже всех на фронте пехоте...”, “Я говорил от имени России...”, “Давайте после драки...”, “Баня”, “Лошади в океане”, “Старухи и старики”, “М.В.Кульчицкий” – это шедевры не только русской, но и мировой поэзии»³.

Приведу несколько характеристик, данных критиками последующих поколений. Редактор журнала «Вопросы литературы» Игорь Шайтанов пишет: «Слава несколько раз поманила его (Слуцкого. – Г.К.), но так и осталась проблемом <...> Ахнули, восхитились, несколько раз обмолвились словом “великий”, но затем всё как-то забылось...» Завершая свои заметки, Шайтанов определяет причину, их, эти заметки, породившую, – «вспомнить о Слуцком и осознать важность его присутствия и его, увы, по сей день непрочитанность»⁴.

Редактор газеты «День литературы» Владимир Бондаренко: «Мастер сурового реализма. В своём отношении и к поэзии, и к действительности во многом схож с Маяковским, но не по форме, не по стилистике, а по монументальности и трагичности стиха. Он видел всю правду войны, его самоотверженности многие могли бы поучиться и сегодня. Это подлинный лирический эпос XX века. Беспощаден и к себе, и к своей поэзии <...> Его поэзия, пожалуй, оказала самое большое влияние на последующее поколение молодых поэтов самых разных взглядов»⁵.

Словно подхватывая мысль о влиянии на новое поколение, критик и прозаик Владимир Соловьёв, живущий ныне в США, говорит о «блестящей плеяде кирзятников (так иногда называют писателей-фронтовиков. – Г.К.) с высоко одарёнными Межировым и Самойловым и великим реформатором русской поэзии Борисом

² **Фаликов И.** Красноречие по-слуцки // «Вопросы литературы», 2000, № 2 // <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/2/falik.html>

³ **Евтушенко Е.** Невосполнимость // «День поэзии. Год 1986». М., 1986, с. 155.

⁴ **Шайтанов И.** Борис Слуцкий: повод вспомнить // «Арион», 2000, № 3 // <http://magazines.russ.ru/arion/2000/3/shaitan.html>.

⁵ **Бондаренко В.** 50 поэтов XX // «Завтра», № 31 (29 июля 2009) // <http://old.zavtra.ru/content/view/2009-07-2971/>.

Слуцким, который на Бродского оказал решающее, формирующее влияние»⁶. Вот реплика поэта Олега Хлебникова: «Если мы будем говорить вообще о каких-то революциях в русском стихе, так это больше всех Слуцкий сделал, между прочим»⁷.

Об отношении к Слуцкому нобелевского лауреата имеется множество свидетельств. Приведём несколько. На вопрос Соломона Волкова: «Каков был импульс, побудивший вас к стихописанию?» – Бродский заявил: «Первый – когда мне кто-то показал “Литературную газету” с напечатанными там стихами Слуцкого. Мне тогда было шестнадцать, вероятно. Я в те времена занимался самообразованием, ходил в библиотеки... Мне это ужасно нравилось, но сам я ничего не писал и даже не думал об этом. А тут мне показали стихи Слуцкого, которые на меня произвели очень сильное впечатление»⁸. И ещё: «...думаю, что я начал писать стихи, потому что прочитал стихи советского поэта, довольно замечательного, Бориса Слуцкого»⁹. Один мемуарист вспоминает – он показал Бродскому свои стихи. «Вместо оценки и совета Бродский прочел ему “Кёльнскую яму” Слуцкого: вот как надо писать»¹⁰. Вспоминает поэтесса Татьяна Бек (1949–2000), встретившаяся с Бродским в США во время выступления: «Через переводчика мы отвечаем на записки. Я, в частности, получаю такую: “Отчего в современной России поэзия неестественно политизирована?” <...> Думаю: пан или пропал – прочту моё любимое из Слуцкого стихотворение, которое отвечает именно на их американский вопрос:

– Покуда над стихами плачут, пока в газетах их порочат, пока их в дальний ящик прячут, покуда в лагеря их прочат, – до той поры не оскудело, не отзвенело наше дело. Оно, как Польша, не згинело, хоть выдержало три раздела.

Вдруг Иосиф, буквально как известный персонаж из табакерки, вскакивает с места, выбегает к центру сцены, меня отодвигает чуть театрализованным (“Не могу молчать!”) жестом и, с полуслова подхватывая, продолжает со своим неповторимым грассированием:

– Для тех, кто до сравнений лаком, я точности не знаю большей, чем русский стих сравнить с поляком, поэзию родную – с Польшей.

Зал ахнул: ну и ну! А Иосиф, стихотворение дочитавши, улыбается и говорит: “Мои любимые стихи у моего любимого Слуцкого”¹¹.

А теперь высказывание Бродского-критика. В докладе на симпозиуме «Литература и война» (1985; на английском языке) он произнёс: «Именно Слуцкий

⁶ Соловьёв В. Ножом по рюмочке стучит. К 80-летию А. Кушнера // «Независимая газета», 15 сентября 2016 // http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-09-15/4_soloviev.html.

⁷ Цит. по: Велехов Л. Евтушенко. Конец эпохи // <http://www.svoboda.org/a/28423915.html>

⁸ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1988, с. 34 // <http://fictionbook.in/solomon-volkov-dialogi-s-iosifom-brodskim.html?page=9>.

⁹ Бек Т. Расшифруйте мои тетради // Борис Слуцкий: воспоминания современников. СПб., 2005. с. 361 // <http://iosenbrodskv.narod.ru/attachment101.html>.

¹⁰ Кузьминский К. Лауреат «Эрики» // «Русская мысль», № 3697, 30 октября 1987 // <https://unotices.com/book.php?id=45343&page=17>

¹¹ Бек Т. Указ. соч., с. 362–364.

едва ли не в одиночку изменил звучание послевоенной русской поэзии <...> Ощущение трагедии в его стихотворениях часто перемещалось, помимо его воли, с конкретного и исторического на экзистенциальное – конечный источник всех трагедий. Этот поэт действительно говорил языком двадцатого века»¹². Напоследок добавлю, что Бродский со Слуцким обменялись посвящениями в стихах.

Предварительный итог ясен: Борис Слуцкий большой поэт, и даже вещи, которые не кажутся мало-мальски значительными, достойны заинтересованного прочтения.

2

Итак, армянские стихи Слуцкого производят поначалу впечатление более или менее проходных. Однако, медленно перелистывая стихотворное наследие поэта, нельзя не обратить на них внимания. Дело в том, что в этом поистине необозримом наследии вдруг обнаруживаешь их уникальность. В каком смысле? В самом прямом. Армянским стихам в творчестве Слуцкого попросту нет аналога. Возьмите любую его книгу, присмотритесь к извлечённым из архива, не публиковавшимся при жизни стихам; в них отсутствуют инонациональные мотивы. Поэт прошёл во время войны несколько стран, в иных, к примеру в Югославии, надолго задерживался, затем объездил едва ли не все республики Советского Союза, бывал и, как сейчас говорят, в дальнем зарубежье. Словом, увидел немало, набрался впечатлений. И, боюсь ошибиться, ни разу ни о чём из увиденного не написал. Нет у него стихов, обычных у других поэтов-путешественников или поэтов-гостей. Вы встретите, конечно, на его страницах иностранные географические названия, равно как упоминания мирового значения памятников (собор св. Петра), представителей чужеземных рас и наций – «Немка», «Судьба Монако», «Негритёнок», варшавянки, «Берёзка в Освенциме», «День Победы в Альпах», – но за ними встаёт индивидуальная, сугубо индивидуальная жизнь или даже рок, историческая коллизия, философское обобщение. Короче, за названиями кроется что угодно, только не национальный характер, не взгляд на страну либо народ, отличные от иных народов и стран. Это во-первых. А во-вторых, эти упоминания почти всегда единичны. Редко-редко вслед за «Казахами под Можайском» появится строка «Ко мне на койку сел сержант-казах», а помимо стихотворения «Бухарест», где румынская столица – только место действия, мелькнёт строка «Белый снег валит над Бухарестом», чтобы тотчас увести читателя в сторону от конкретного города, страны, нравов. И на таком вот фоне – Армения, с её пейзажем, её памятниками, её художниками, с одним её забавным на сторонний взгляд обычаем. И мало того – за разрозненными чертами и приметами сама собой вырастает историческая судьба народа.

¹² **Brodsky J.** Literature and War — A Symposium: The Soviet Union // «Times Literary Supplement», 17 May 1985, p. 543-54) // <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/poluhina-valentina/brodskij-glazami-sovremennikov/9> Интервью Я. Гордина В. Полухиной

В литературной практике Бориса Слуцкого перед нами феномен, в котором надо бы разобраться. Поскольку беспричинно таких явлений не случается. Каковы же причины? Причин обычно бывает целый ряд, минимум две–три. Но мы назовём одну. Лежит она на поверхности, сам автор её и сформулировал. Правда, формулировки как таковой не найти, та произносится вроде бы вскользь, высказана не в качестве главной мысли, нет, убрана в причастный оборот. И тем не менее, здесь объяснено главное. Почему вопреки своему обыкновению Слуцкий пристально вглядывается в Армению, когда никакая другая страна, кроме России, не могла его заинтересовать настолько, чтобы написать о ней стихи? Почему обращается к армянам – именно народу, не конкретному собеседнику? Да вот же почему:

Я, сызмальства,
с Харькова,
с детства
узнавший
армянский порядок, рассудок и чин...

Слуцкий не часто прибегает к разбивке строк, а «маяковская» лесенка – редчайшая в его стихах гостя. Ну а здесь и вовсе каждое слово, помимо начального местоимения, занимает отдельную строку. Поэту нужно, чтобы каждое слово было выделено, подчёркнуто, прозвучало с ударением. Отчего так? Оттого что речь о детстве. Всё, что усваивается в детстве, помнится человеку всю жизнь. А Слуцкий провёл детство и школьные годы в Харькове, где в ту пору (как, впрочем, и ныне) было много армян. К сожалению, деталей, обстоятельств, имён мы назвать не сможем, однако два процитированных стиха дают ясное представление, что будущий поэт имел в близком окружении армян, и не одного, скорее всего, был вхож в армянскую семью либо семьи. Ведь если б он общался в школе даже с тремя–четырьмя сверстниками, этого мало, чтоб утверждать: я, мол, знаю армян, их «порядок, рассудок и чин» – открытая книга для меня. Ведь речь идёт о знании характера, семейных, а может, и общинных отношений, обычаев. Ибо первейшее значение слова чин, уже устаревшее, – это «установленный, принятый порядок совершения чего-либо, обряд». У Блока, вспомните: «За верность старинному чину!» Приятельствуя с однокашником или соседом своего возраста, такого не усвоишь. А Слуцкий человек обстоятельный, серьёзный, эрудит, уж если он утверждал: я знаю, стало быть, отбросьте сомнения, на самом деле знает.

3

Уместно в этом месте привести самые краткие биографические сведения о поэте. Борис Абрамович Слуцкий родился в 1919 году на востоке Украины, в Славянске. Когда ему было три года, семья переехала в Харьков – в то время столицу Укр. ССР и третий после Москвы и Ленинграда научный,

индустриальный и транспортный центр Советского Союза. Ближайшими друзьями его юности были Пётр Горелик, в будущем кадровый военный, полковник, после смерти поэта ставший его биографом, и Михаил Кульчицкий, которого Слуцкий считал крупнейшим талантом поколения и чью гибель на войне не раз оплакал в стихах. Общение с Кульчицким и его отцом, бывшим царским офицером, дворянином, образованным интеллигентным человеком, оказало на Слуцкого, выросшего в скромной семье, колоссальное влияние. После школы друзья уехали в Москву. Слуцкий одновременно учился в юридическом и литературном институтах, которые окончил прямо перед войной. С июня 1941-го воевал рядовым в стрелковой бригаде, получил тяжёлое ранение, после госпиталя служил секретарём и военным следователем в дивизионной прокуратуре, позднее был инструктором, а затем и старшим инструктором политотдела. Но, будучи политработником, участвовал в разведывательных вылазках, оставался на передовой. Тяжело контуженный, закончил войну гвардии майором, два года провёл в госпиталях, перенёс две трепанации черепа. В 1946-ом был признан инвалидом II группы и комиссован. Вплоть до конца 40-х годов, измученный постоянными головными болями, стихи сочинял лишь эпизодически. По собственному признанию Слуцкого только возвращение к активным занятиям поэзией поставило его на ноги.

Литературная судьба Слуцкого складывалась несчастливо. Не имея крыши над головой, он мыкался по чужим домам и, видимо, побил своеобразный рекорд – жил по найму, то и дело меняя прибежища и адреса, в двадцати двух углах ли, комнатках ли. Но писал много. Стихов его в печать не принимали (три–четыре неприметные публикации лет за семь не в счёт). Зарабатывал он на скучную жизнь сценариями радиопередач. Интересно сопоставить с его злоключениями издательскую судьбу товарищей Слуцкого по поколению – таких же, как он, стихотворцев-фронтовиков. Книжка рано умершего Семёна Гудзенко («Мы не от старости умрём, от старых ран умрём») увидела свет в 44-м году, когда ему было двадцать два, Сергея Орлова – в 42-м (автору двадцать один год), Александра Межирова – в 47-м (двадцать четыре), Юлии Друниной – в 48-м (двадцать четыре), Михаила Луконина – в 47-м (двадцать девять; впрочем, четыре года спустя он был автором уже пяти сборников), Юрия Левитанского и Сергея Наровчатова – в 48-м (двадцать шесть и двадцать девять соответственно), Евгения Винокурова, Николая Старшинова и Константина Ваншенкина – в 51-м (по двадцати шести).

Первая книжка Слуцкого вышла в 1957-м, автору было 38 лет. Таким же неудачником (без извиняющихся кавычек) оказался только друг Слуцкого, бывший пулемётчик ефрейтор Давид Самойлов. Он был на год моложе, и первый его сборник вышел в 58-м.

Ситуация была парадоксальна. Проще всего переложить ответственность на политическую систему: мол, талантливым людям советская цензура перекрывала кислород, а бездарности беспрепятственно шли вперёд. Пусть, одна-

ко, среди куда более удачливых поэтов-фронтовиков легко различить ярко талантливых и талантливых умеренно, важнее, что блестящие таланты тоже получали свой шанс. Что до политической направленности, то Слуцкий, человек – особенно в молодости – глубоко советский и без оговорок идейный, не должен был вызывать нареканий. Он писал, конечно, и такие стихи, которые бдительные редакторы близко бы не подпустили к печатному станку. За некоторые могли бы и посадить. К примеру, задолго до XX съезда написаны впоследствии знаменитые антисталинские стихи «Хозяин» и «Бог». Но ведь умный Слуцкий и сам опасных или хотя бы сомнительных вещей редакциям не предлагал. Скорее всего, в послевоенных издательствах и журналах не могли смириться с резко выраженной индивидуальной манерой молодого поэта. Впрочем, относительно молодого; тридцать лет (плюс-минус два-три года) для человека давно и профессионально сочиняющего – что называется, не первая молодость. Издавна принято считать, будто писатели, равно стихотворцы и прозаики, привлекают читателей «лица необщим выраженьем», по слову Боратынского. На деле же непохожесть отпугивает, а такая, как у Слуцкого – с обилием прозаизмов, с крепким словцом и с уходом от правильного метра, – в первую голову. Как бы то ни было, десятилетие с лишним Слуцкий обретался на задворках официальной литературы. Ситуацию переломил Илья Эренбург. Летом 1956-го в «Литературной газете» появилась его статья «О стихах Бориса Слуцкого»; там же печаталась и представительная подборка поэта (именно эту публикацию заметил шестнадцатилетний тогда Бродский). Поразительно, что мэтр, каковым являлся Эренбург, писал о никому, в сущности, не ведомом авторе, словно вёл речь о давно сложившемся, значительном явлении. Собственно, так дело и обстояло, но ведь и в литературе существуют известные всем правила хорошего тона. Куда там! «Органичность, жизненность, связь с мыслями и чувствами народа, – весомо характеризует Эренбург начинающего в глазах публики поэта. – Он знает словарь, интонации своих современников. Он умеет осознать то, что другие только смутно предчувствуют. Он сложен и в то же время прост, непосредствен <...> Он не боится ни прозаизмов, ни грубости, ни чередования пафоса и иронии, ни резких перебоев ритма»¹³. Вдобавок Эренбург не постеснялся задать явно «неудобный» вопрос: отчего Слуцкого не издают, отчего у него нет ни единой книги?

Статья и стихи в «ЛГ» прорвали запруды. Не прошло и года после публикации, как увидел свет первый сборник поэта. На протяжении двух десятилетий книги Слуцкого выходили бесперебойно. Не достигнув официального признания – не был удостоен премий, почётных званий и т.п., – он вошёл в число наиболее читаемых авторитетных поэтов.

В 1976 году скончалась любимая жена Бориса Слуцкого. И он, никогда не писавший о любви, за два-три месяца создал несколько сотен стихотворений. Далеко не все среди них и даже большинство не относятся к разряду лю-

¹³ «Литературная газета», 28 июля 1956.

бовных, однако все порождены любовью. Словно бы выговорившись, поэт умолк. И не написал с тех пор ничего¹⁴. При жизни у него вышли ещё несколько сборников. Но сам он, уйдя в себя, замкнувшись, уже не принимал участия в их подготовке; всё делали друзья, главным образом Юрий Болдырев. В 1986-м, на пороге перестройки, поэт умер. А спустя год-другой, в печать буквально хлынула лавина его никогда не печатавшихся стихов.

4

«Армянские» свои стихи Слуцкий начинает с места в карьер. Он сразу с головой погружается в новую страну, контрастную всему, к чему привычен. Это подтверждается, во-первых, образной системой, во-вторых, узловатым, едва ли не корявым стихом, в-третьих, интонацией.

Словно волна окатывает –
так и меня окидывает
от пят и до темени
горящим пламенем
взгляда.
Это – Армения.

Первые впечатления захлёстывают героя волной. Сама по себе метафора новизной не блещет. Однако волна внезапно сравнивается с пламенем, которому полагается от соприкосновения с ней погаснуть. Оксюморон? А здесь обоим элементам сравнения только добавляется силы: волна вырастает, пламя разгорается. К тому же волна накрывает, окатывает не с головы до пят (устоявшийся речевой оборот), а с пят до темени, не позволяя стиху войти в накатанную колею. Волна – как пламя, не просто пламя, что было бы ни с чем несообразно, – пламя взгляда. Плюс ко всему пламя горячее. Горячее пламя взгляда. В сущности, два привычных эпитета – горящий взгляд и пламенный взгляд – соединились. Отдельно взятые, они равноценны и малозаметны. Но здесь удвоенный эпитет удвоил воздействие в силу своей непривычности, которая продиктована вдобавок амбажеманом – переносом части фразы на следующую строку. То есть интонация, словно бы спотыкающаяся, ломаная, что не даёт ослабить внимание; такие стихи не могут убаюкать, как убаюкивают иные гладкие вирши. Той же цели служит и рифмовка. Вернее, вместо рифмы в первой строфе стихотворения две пары весьма приблизительных диссонансов: окатывает–окидывает, темени–пламенем. Строфа представляет собой пятистишие, где последний стих, везде разбитый на два полустихия, не зарифмован, остаётся холостым. И вопрос: кто окидывает героя пламенем взгляда? В первой строфе ответа нет. Его нет и во второй строфе. Но здесь улавливается намёк, пусть и не твёрдый.

¹⁴ Вспомним процитированную выше Ю. Друнину: «Сам себя присудил к забвенью, / Стиснул зубы и замолчал».

Высшая мера людских дел,
с добром и злом рядом
видимый невооружённым взглядом
Арагат. Он небо задел
своими снегами.
Это – Армения.

Намёк, о котором сказано выше, – взгляд. Слово повторено вроде бы без особой нужды; может быть, это стилистический промах, пометка? Но точно так же может быть, что нас призывают присмотреться. Во второй строфе герой озирает снизу громадную гору. В первой же строфе чей-то взгляд окатывает героя, как волной. Окатить можно только сверху. Вероятнее всего подобный волне и разом охватывающий человека взгляд этой громадной горе как раз и принадлежит. Повторённое слово призвано воспроизвести зеркальное действие. Хозяин, чью роль исполняет Арагат, оглядывает испытующе гостя, тот отвечает ему встречным узнаванием. Ибо, не в пример хозяину, гость отменно знает, с кем имеет дело. Перед ним та самая библейская гора – «высшая мера людских дел», определяющая, где зло, где добро.

Композиционно стихотворение по-настоящему крепко сколочено, замысел развивается чётко, последовательно. Если в первой строфе сказано, что лирического героя кто-то рассматривает, то во второй проясняется, кто именно. Если во второй строфе Арагат назван «высшей мерой людских дел», то в третьей эти дела наглядно показаны:

Скала. Она совсем гола.
Ни землинки на розовом камне.
Но мужик погорбоносей орла
тянет собственными руками
лозу из скалы.
Это – Армения.

Оторвавшись от удалённой великой горы, глаза замирают на том, что перед ними, – на скале. Следует исчерпывающая, максимально краткая её характеристика: «Она совсем гола». Далее, чтоб упрочить, поэт характеристику дублирует и слегка расширяет: «Ни землинки на розовом камне». При этом используются не какие-то в таких случаях уместные слова (ни горстки земли, ни комочка, ни тоненького слоя), но выразительный и на редкость естественный неологизм. Обратите также внимание, как внедряется мысль о гористости, каменности страны – гора, скала, камень, в следующей строфе возникнет горный обвал. Эти детали пейзажа ни в малой степени не выпирают, они не подчёркиваются, не выпячиваются, но мысль исподволь обретает плоть и наглядность. Мужик – земледелец, виноградарь – не возделывает землю, которой ничтожно мало, но буквально руками вытягивает лозу из скалы.

В начальной строфе – сила первого впечатления, во второй – главная примета ландшафта, в третьей – тяжкий труд, без которого здесь не выжить. И

все три строфы завершаются поэтом одинаково: это (то, и другое, и прочее) – Армения. Набросав энергичными, крупными, броскими штрихами портрет страны, поэт выводит ударную концовку:

Я был. Я видел. Я слышал речь.
Ни с чем не схожий клёкот, рокот.
Я слышал горных обвалов топот.
И я всегда буду беречь
на дне души
эту Армению.

В первой строке финальной строфы сформулирована неизменная стратегия Слуцкого. Когда бы, как и о чём ни писал, его принципиальный ориентир – достоверность. Понятно, что поэзия без вымысла, без игры фантазии, как и художественная литература в целом, – абсурд. И всё-таки вымышленная ситуация должна восприниматься совершенно достоверной. И поэт без экивоков и метафор, отрывисто, напрямик уведомляет об исполнении трёх обязательных условий: я самолично был там, я сам всё видел и слышал. Информация достоверна, звучит из первых уст. И в том, что виденное и слышанное запало поэту в душу, можно не сомневаться. Повторимся, в первый и единственный раз знакомство со страной произвело на Слуцкого творческий эффект. Именно творческий – в том смысле, что впечатления побудили зафиксировать их и переданы стихами. Лишь оценив это в полной мере, закончим разговор о том, как искусно выполнено стихотворение. Ни одна деталь не повисает в воздухе, непременно находит опору. Мужика сравнили в третьей строфе с орлом? Тогда понятно, почему – в четвёртой строфе – речь этого мужика и его соплеменников схожа не с чем-нибудь, а с клёкотом. И ещё. Стихотворение написано от первого лица. Но лирический герой, появившись в самом начале, в средних строфах исчезает, всё, что в них сказано, сказалось как бы само собой, без участия повествователя. В финале же герой возвращается в текст и говорит «я». Личное местоимение первого лица единственного числа повторено пять раз. И получается, что стихотворение закольцовано, собрано воедино наподобие четверостишия с охватной рифмой. Картины посреди лирического повествования никем не нарисованы, объективны. Зато начало его и концовка звучат от первого лица. Признание в любви, каковое выражено в заключительных строках, окрашено в индивидуальные тона и сугубо субъективно.

5

Стихотворение «Это – Армения» помечено 1964 годом. Обстоятельство кажется маловажным, однако заслуживает упоминания. Слуцкий практически никогда не датировал своих стихов. Должно быть, считал это бессмысленным, никому не интересным делом и тем самым усложнил работу своих исследователей и биографов. К примеру, мы не знаем и лишь предполагаем, когда написаны стихи, связанные с армянскими темами. В нашем распоряжении лишь

одна надёжная дата – 1964 год. Известно, что тогда Слуцкий посетил Армению. Всё прочее для автора этих строк *terra incognita*. Была ли у этого посещения конкретная цель? Был это частный визит или командировка, связанная, скажем, с переводческой деятельностью? Приехал поэт один или в составе «писательского десанта»? Сколько времени провёл в Армении? Был он в Армении единственный раз или приезжал ещё (если приезжал, то когда)? Вероятно, на эти вопросы можно найти ответы (хотя минуло свыше полувека), но не мимоходом. А сейчас ограничимся тем немногим, чем располагаем.

Поскольку разобранное выше стихотворение датировано, несомненно, что написано оно по свежим следам приезда. Прочие стихи не вызывают уверенности. Возьмём для примера «Холсты Акопа Коджояна». Кажется, это единственная «армянская» вещь Слуцкого, напечатанная сперва в периодике (журнал «Юность», 1965, № 2) и только затем в очередном сборнике поэта («Современные истории», М.: «Молодая гвардия», 1969). Судя по первой публикации, оно также написано после приезда в Армению, где поэт, большой любитель живописи, наверняка побывал в картинной галерее; дом-музей А.Коджояна открылся только в 1973-м. С другой стороны, любитель живописи мог обратить внимание на талантливого художника и раньше...

Помимо стихов, посвящённых Коджояну, Слуцкому принадлежит также миниатюра «Картины Галенца», появившаяся в его книге «Продлённый полдень» (М.: «Советский писатель», 1975). Примечательная деталь. Все вместе «армянские» стихи стоят у Слуцкого особняком – хотя бы чисто тематически. Про стихи же, связанные с именами Коджояна и Галенца, такого не скажешь. И вот почему. Мы уже заметили вскользь, что Слуцкий был искренним почитателем изобразительного искусства. Призыв Николая Заболоцкого «Любите живопись, поэты!» к нему не относился, живопись он любил издавна, без стороннего к тому побуждения. В его стихах упоминаются многие художники: Борисов-Мусатов, Петров-Водкин, Юон, Древин, Малевич. Стихи о мастерах живописи складываются у него в своеобразный цикл. Этот цикл не выделен, не обособлен (у Слуцкого вообще крайне мало циклов). И тем не менее, в «Продлённом полдне» такого рода стихи поставлены рядом, одно за другим, и, скажем, миниатюра о Галенце стоит между посвящениями Павлу Кузнецову и Фальку. Словом, стихи, в заголовках которых означены Коджоян и Галенц, без сучка и задоринки встраиваются в этот отчасти виртуальный цикл. И снова поражаешься. Слуцкий отзывался стихами только на творчество русских художников, исключений из этого правил наперечёт. Даже в Италии, мировом центре искусств, он выразил изумление, потрясение, вызванное картинами Боттичелли, но и только. Других имён, если не ошибаемся, не прозвучало. Так вот, помимо русских мастеров, Слуцкий отметил двух армян, и, кажется, никого кроме. Причём отметил не мимоходом, а посвятил каждому целое стихотворение.

Любопытно при этом, что в зачине стихов, обращённых к Акопу Коджояну, значится другая армянская фамилия.

Сарьян – в хрестоматии нашего глаза.
Он ясен для младшего школьного класса
и прост, словно воздух, которым дышу.
И больше я про него не пишу.
Сарьян – это выигранное сражение.

Почему Сарьян? Потому что последние полвека он олицетворяет армянское искусство. Скажешь за границами страны «армянская живопись», услышишь в ответ «Сарьян». Стихи лукавы. Это сегодня Сарьян классик, ясный чуть ли не первокласснику, а в начале минувшего века на выставках, где молодой армянин экспонировался бок о бок с теми самыми Петровым-Водкинским и Кузнецовым, газеты наперебой изошрялись: непонятно! мазня! (Кстати, в «школьном классе» как раз и зашифровано непроизнесённое: классик, то есть образцовый, всеми признанный представитель той или иной сферы творчества.) Прост, словно воздух? А воздух не так уж и прост по составу. Выигранное сражение? Значит, надо было сражаться, доказывая своё право и свою правоту. Выиграл, доказал, и нет смысла писать об этом, ибо

...слово – искусственное орошение
пустынь и полупустынь – песков.
Поэтому я приглашу Коджояна:
восстань из могилы!
Ты умер так рано!
Полотна развесь!
Покажись нам, Акоп!

Слово в изобразительном искусстве – критика, мнение публики – призвано прорастить семена и стимулировать жизнь там, где та едва теплится. То есть оросить пустыню. Метафора Слуцкого с виду несложна, но требует истолкования. Акоп Коджоян, известный и признанный в Армении художник, редко выставлялся за её пределами, знали его неважно. Вот откуда странные призывы поэта, который очарован искусством мастера: хотя бы после смерти приди со своими холстами к широкой публике, покажи, чего стоишь.

Был ли Слуцкий знаком с художником? С одной стороны, крайне маловероятно. С другой – всякое случается. Всё-таки обращение по имени к незнакомцу, живому ли, отошедшему ли в лучший мир, удивляет. Обращение западника к Пушкину коробит даже у Есенина, воскликнувшего: «О Александр! Ты был повеса, как я сегодня хулиган». И потом этот горестный выдох: как же рано тебя не стало! Между тем Коджоян прожил 76 лет; не мафусаиловы, конечно, годы, но и не безвременная смерть во цвете лет. Так оплакивают очень близкого, по-настоящему родного человека... Далее поэт излагает своё восприятие картин, которые он только что призвал выставить на всеобщее обозрение. Нет сомнений, он прекрасно представляет себе не просто творчество армянского мастера, но и его живописную манеру, его способность одушевить флору и фауну.

Пусть медленные заведут разговоры
тобою нагромождённые горы.
Пускай нам окажут почёт и доверье
тобою взращённые лёгкие звери.
Пусть птицы твои защебечут над нами,
обсудят, осудят мой каждый изъян
и с нами поделятся птичьими снами.
Какими – ты знаешь, Акоп Коджоян!
И ежели ныне не встретишь оленя
и лани, исполненной сладостной лени,
в горах и долинах армянской земли –
они на холсты Коджояна ушли.

А ведь и правда, горы на полотнах Коджояна частенько громоздятся друг на дружку, звери ничуть не страшны, но и не легковесны, сказано точно – легки, на картине «Олени. Весна» названные животные преисполнены ленивой грации. Во всём такое безусловное знание повадок и норова любой живой твари, что такому знатоку наверняка ведомо, что снится птахе на ветке. Вслед за только что приведённым пассажем идут процитированные ранее строки, мол, герой с детства узнал армян, их обычаи и характер, а посему настаивает

...чтобы на выставках наших
просторные стенки Акоп получил.
О милый цветок каменистой земли,
роскошествуй! Душу мою весели.

По поводу таких стихов не скажешь: автор по достоинству оценил армянского живописца; здесь очевидно – поэт влюбился в его творчество.

«Картины Галенца» спокойнее по тону. Кстати, вопрос о личном знакомстве поэта с художником здесь уже не возникает; это сугубо частная деталь биографии, не существенная для стихов, их усвоения. Хотя легко с высокой вероятностью предположить, что Слуцкий побывал в мастерской Арутюна Галенца. Холст армянского живописца висел у Ильи Эренбурга дома; писатель вполне мог рассказать Слуцкому с его слабостью к авангарду в живописи, как молодого репатрианта в конце сталинских ещё 40-х изгнали за формализм из Союза художников. А в начале 60-х Эренбург написал о Галенце маленькую статью, скорее даже заметку; ту напечатал в переводе журнал «Անվտանգի արվեստ». Надо думать, имя московского мэтра должно было послужить охранной грамотой недавно на каждом углу порицаемому Галенцу. Как бы то ни было, стихи недвусмысленно говорят о месте действия; поэт рассматривал картины не в Ереване, а в Москве.

Проломы в московских стенах,
в которых светится солнце
какого-то южного цвета, –
и не толкуйте о ценах:
кто знает цену на солнце,
на солнце в часы рассвета?

Понятно, что проломы в стенах – иллюзия, производимая в чопорном выставочном зале слепящими красками галенцевских картин. Яростными настолько, что не разобраться с цветовой гаммой. Всё равно что поднять глаза на рассветное солнце, сетчатка пока ещё выдерживает, а какой же цвет – оранжевый? жёлтый? пунцовый? Ясно, что преобладающий колорит у полотен – южный, прочее второстепенно. Касательно национальной принадлежности художника, то на неё никаких указаний, только фамилия в заглавии стихотворения, даже без имени. Должно быть, имеется в виду, что после персональной выставки Галенца, состоявшейся в столице Союза в 1972 году, всякого рода сноски – кто таков, откуда – ни к чему. Выше сказано, что стихи спокойнее по тону, чем эмоциональные «коджояновские». Да, здесь и вправду преобладает описательность. Однако только в самом начале. Дальше приведена реплика в диалоге с незримым собеседником. Тот интересуется, сколько примерно стоят картины. В ответе слышатся раздражённые нотки: как оценить солнце, да ещё «в часы рассвета», в какую сумму? Поэт избегает определённости. Здесь ему помогают окончания строк – от первой до последней только женские клаузулы с их непригодностью к жёстким утверждениям. Неопределённость, уход от однозначной чёткости передаётся также и схемой рифмовки – *аббабв*, – ускользающей, неприметной переключкой концевых созвучий. Поначалу, по ходу чтения кажется, что стихи вовсе не зарифмованы. Впечатление обманчивое, но знаменательное. Во второй строфе миниатюры рифма лишь одна, рифмующиеся строки далеко разведены, три строки – холостые. Вместо шестистишия пятистишие, будто бы речь оборвана на полуслове.

Цитаты горячего юга,
повешенные на обоях
и на сухой извёстке,
и огненная вьюга,
бушующая среди снежной.

Время действия зима, вот откуда контраст южных красок и заведомо нейтральных обоев, извёстки.

Датировать стихотворение с первого взгляда представляется нетрудно. Книга Слуцкого, в которой оно напечатано, вышла в 1975-м, а сдана в набор осенью 74-го. Московская выставка Галенца состоялась двумя годами ранее, даты легко состыковать. И получится, что стихи написаны после посещения выставки, по свежим её следам. Если бы не каверзное «но». При обилии стихов перед Слуцким неизменно возникала задача, какие включить в очередную книжку, какие отложить до лучших времён. Так что стихотворение могло быть написано когда угодно, скажем, по возвращении из Армении либо прямо в Ереване.

То же самое относится к «Двум стихотворениям». Автор объединил под общим заглавием самостоятельные тексты – вариации на заданную тему, по-

разному её развивающие. Перед нами то, что называется прямым откликом, в нашем случае откликом на явление. Коротко говоря, Слуцкий увидел в Армении памятник национальному алфавиту, который поразил его. Причём отнюдь не выдающимися художественными достоинствами, но самим фактом своего существования. Касательно же достоинств – есть они либо нет, поэт о них умалчивает, искусство как таковое здесь его не занимает, уходит даже не на второй план, а снимается с рассмотрения. Хотя можно было бы порассуждать: если произведение возымело такое действие на зрителя, значит, оно по меньшей мере небесталанно. Правда, пожелай мы, комментируя стихи, опереться на конкретику, стали бы в тупик. Ибо трудно сказать, какой именно памятник имеется в виду. Широко известный комплекс обособленных скульптурных изображения тридцати шести Месроповых букв на склонах Арагаца близ села Арташаван воздвигнут в 2005 году (проект архитектора Дж. Торосяна). Видимо, речь идёт о памятнике Месропу Маштоцу работы Григора Чубара перед входом в Матенадаран. Правой рукой создатель алфавита показывает ученику на поставленную чуть в стороне стелу с высеченными на ней по порядку буквами. Поскольку стела с алфавитом стоит как бы сама по себе, наособицу, она воспринимается как отдельный памятник. И мысль, очевидная, но никому не приходившая в голову, что вечной памяти достоин не только человек, но и творение его рук, – эта мысль поразила поэта.

Первое из двух стихотворений начинается с важной фиксации;

На склонах диких и отвесных,
на каменном краю земли
армяне сохранились в песнях
и – рукописи сберегли.

Понятно, что слово *песни* здесь употреблено в чуть архаическом значении – поэзия, вообще словесное творчество, литература. Армяне не просто сохранились, они сохранились в песнях, в книгах и манускриптах и – это не сказано, но витает в подсознании – благодаря песням, в частности алфавиту. Недаром у Ованеса Шираза есть стихотворение, где утверждается: армяне, мол, не выстояли бы, не будь у них письмен Маштоца; в финале тридцать шесть букв названы тридцатью шестью богами, стоящими на страже народа. Кстати последняя из процитированных строк подтверждает догадку, что Слуцкому дал импульс именно памятник перед Матенадараном – Институтом древних рукописей, тех самых, которые народ уберёт во множестве, видя в них своё достояние, подчас и святыню. С культурой связана и подспудная переключка с Мандельштамом. Армения в восприятии этого поэта лежит «на окраине мира» – на границе европейской (и – шире – иудеохристианской) цивилизации. У Слуцкого сказано вроде бы куда более привычно – на краю земли. Край земли, край света вообще-то значит очень далеко, но в контексте стихов (словесность, алфавит, рукописи) обретает специфическое культурно-историческое наполнение.

Далее следует ключевая строфа. Не упустите из виду грамматику – прошедшее время первой строфы сменяется настоящим, вдобавок слово *армяне* трансформируется из третьего лица, во второе, переходит в ранг обращения.

Армяне! Вы царей не славите,
кадите книге или лире.
Я видел памятник алфавиту
единственный, быть может, в мире.

Собственно, комментировать здесь нечего, всё сказано напрямую, без метафор, разве что глагол *кадить* употреблён в переносном значении – восхвалять. Однако в сугубо литературной речи режет слух ошибочное ударение в существительном *алфавит* – не на третьем, а на втором слоге. Конечно, можно сказать, что перед нами поэтическая вольность, иными словами традиционно предоставляемое стихотворцам право для вящей художественной выразительности либо в интересах размера, ритма пренебречь нормами литературного языка. Но скорее мы имеем дело с намеренным употреблением малограмотной формы. Для чего? Чтобы выделить слово, подчеркнуть явление, факт, обратить на него внимание. Тем более что поэт, естественно, знает, как надлежит ставить ударение, что и продемонстрирует ниже. Шутка ли, никому и нигде не приходила мысль водрузить монумент изобретению, сыгравшему колоссальную для человечества роль, а вот армяне... Кто, как не писатель, обязан был оценить это. Писатель Слуцкий мало сказать оценил, он восхитился:

На камне были буквы вырублены,
ещё не ставшие словами.
Армяне! Ваши души выражены
в той надписи старинной – вами.

О какой надписи толкуют стихи? Должно быть, о первом изречении, запечатлённом армянскими письменами. По преданию, завершив свой труд, Месроп Маштоц начертал по-армянски два стиха (второй и третий) из первой главы ветхозаветных Притчей Соломоновых: «...познать мудрость и наставление, понять изречения разума, усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты». Эта надпись и высечена, помимо расположенных по порядку букв, на стеле Г. Чубара. Выражает ли она душу собирательного, так сказать, армянина? Довольно каверзный вопрос. Возможно, мысль выражена не вполне точно (что, заметим, редко у Слуцкого встречается, формулировать он умел) и следовало бы вести речь о духе, не о душах...

Зачин второго из «Двух стихотворений» – по-другому выраженные мотивы, знакомые по первой части этого миниатюрного цикла:

Цари
– кумир на кумире –
плющом подхалимским увиты.
Я видел единственный в мире
памятник алфавиту.

Сменился не только размер (четырёхстопный ямб на дольник с трёхстопным амфибрахийем в основе), но и тон. Нейтрально произнесённые выше *цари* приобрели уничижительный, иронический оттенок, при этом *подхалимский плющ* напомнил, что в переносном смысле *кадить* означает не только восхвалять, но и льстить. Упоминание про то, что памятник – единственный в мире, поменяло модальность, и вероятность обернулась утверждением¹⁵. Ну и, разумеется, режущее слух ударение вернулось на подходящее место.

Далее, говоря о памятнике, поэт окольно, косвенно сравнивает его с привычными монументами.

Армяне его воздвигли
из камня здешних гор,
и кажется: фигли-мигли –
виденные до сих пор
всадники и державцы,
скипетры и мечи...

Наименование народа – армяне – употребляется в небольшом тексте четыре раза. Повторим на конкретном примере сказанное выше: в обыденном по звучанию и трагическом по сути стихотворении «Немка» запечатлена не судьба великого народа, напротив, индивидуальная, сугубо индивидуальная судьба неизвестной женщины и лишь эхом, отсветом – судьба, выпавшая всем советским немцам в годы войны. Другой пример. В стихотворении «Поэты малого народа...» сочувственно запечатлено бедствие, выпавшее на долю одного из высланных с Кавказа народов, однако только по посвящению – Кайсыну Кулиеву – мы понимаем, что речь о балкарцах. Отчего так? Оттого, что поэта в данном случае занимает иная тема, балкарцы же – болезненный живой пример, иллюстрирующий её.

В армянских же стихах именно народ – объект интереса, пристального поэтического изучения, при котором и малая деталь способна показать едва ли не всё. И поэту не в тягость ещё раз обозначить, о ком он пишет. И напоминая, что памятник сделан «из камня здешних гор», он упирает – эта письменность измышлена здешним человеком для здешних нужд, причём раз и навсегда. В подтекст убрано знание – алфавит идеально соответствует языку, потому за полтора с лишним тысячелетия практически не претерпел изменений. Лишь историко-культурный подтекст объясняет, почему против этого па-

¹⁵ Кстати, соответствовало ли утверждение действительному положению вещей? Оказалось, да, соответствовало. Памятников алфавитам и сегодня наперечёт. На рубеже 70-х и 80-х годов минувшего века в Хорватии была сооружена шестикилометровая Аллея глаголицы, посвящённая древнейшей славянской письменности. В комплекс входит свыше десятка разного рода памятников; один из них, согласно Википедии, «представляет собой каменный монумент в виде книги, на котором высечен алфавит на латинице, кириллице и глаголице». В 2012 г. в Батуми по проекту испанского архитектора Альберто Доминго Кабо воздвигнута громадная «алфавитная башня» – «металлическое строение высотой 130 метров, которое лентами опоясывают буквы грузинского алфавита». Наконец, несколько лет назад в подмосковном Клину поставлено небольшое сооружение – мужчина, условно говоря, средневекового облика с доской в руках, на которой изображены 33 буквы современно-русского алфавита.

В отличие от «Двух стихотворений», порождённых глубинным осмыслением увиденного, здесь увиденное (точней, услышанное) не столько поразило, сколько позабавило. В итоге же извлечь из казуса сколько-нибудь общезначимый или просто существенный вывод не получилось, и стихи, несмотря на попытку поэта придать им некую философскую подоплёку, остаются бытовой зарисовкой, не более. То же приходится сказать об «Изучении армянского языка», в котором ставится вопрос:

Зачем изучает шестой язык –
хватило б с него пяти –
пенсионер, седой старик
с трёх каждый день до пяти?

Вопрос трижды поворачивается так и сяк, однако повисает в воздухе. По большому счёту из шести строф остаётся в памяти лишь одна, связанная с приметами страны – скала, лоза, гранит (камень) – с «Это – Армения» и «Двумя стихотворениями»: «...как внедряет корни лоза / в скалу и дробит гранит...»

Просмотрев и частично разобрав армянские стихи Бориса Слуцкого, подтвердим заявленный априори тезис о том, что ни об одном народе Слуцкий не писал столько и, главное, так – с желанием «дойти до самой сути», – как об армянах. Он частично пояснил это прозой: «Удивительная, небывалая страна – и по безмерности страданий, выпавших на её историческую долю, и по безмерности упорства, с которым она отбивалась от врагов <...> Историческая память присуща народу меча и книги, меча, о котором вспоминает ещё Ксенофонт, и книги, написанной древнейшими письменами, настолько почитаемыми, что им поставлен памятник – единственный в мире памятник алфавиту»¹⁶.

Поэт назвал армян народом меча и книги, но в его стихах они фигурируют в одной из двух ипостасей – как народ книги. Для писателя, человека книжного, выбор понятен. Оттого, должно быть, он и написал о нём, как ни о каком другом. Исключая, разумеется, народ, к которому сам принадлежал¹⁷.

Ключевые слова: *фронтное поколение, памятник алфавиту, Акоп Коджоян, Арутюн Галенц*

ԳԵՈՂԳԻ ԿՈՒԲՍՅԱՆ – Գրքի ժողովրդի մասին (Հայկական թեման Բորիս Սլուցկու պոեզիայում) – XX դարի երկրորդ կեսի ռուս ականավոր բանաստեղծ Բորիս Սլուցկին ռազմաճակատային սերնդի գրող է: Թարգմանել է հայ բանաստեղծների ստեղծագործություններ, հրապարակել գրախոսություններ ու կարծիքներ: Հոդվածում վերլուծվում են Սլուցկու հայկական թեմա-

¹⁶ Цит. по вступительной заметке **Ю. Болдырева** к подборке стихов Б. Слуцкого // «Литературная Армения», 1987, № 11, с. 33.

¹⁷ О евреях Слуцкий говорил стихами, в общем, не много и редко, но ни одно из этих его стихотворений нельзя было при советской власти (точней, до периода гласности) вообщить в печати. Впрочем, это совсем уж отдельный разговор.

յով բանաստեղծությունները: Դրանք գրված են տարբեր ժամանակներում, ինչը Հայաստանի նկատմամբ հետաքրքրության մշտակայության մասին է վկայում: Որոշ բանաստեղծություններ բարձր գեղարվեստական արժանիքներ ունեն:

Բանալի բառեր – *նազմաճակատային սերունդ, այբուբենի հուշարձան, Հակոբ Կոջոյան, Հարություն Կալենց*

GEORGY KUBATIAN – *On the People of the Book (The Armenian Theme in Boris Slutsky's Poetry)*. – Boris Slutsky is a writer of frontline generation, one of the greatest Russian poets of second half of XX century. He translated poems by Armenian poets, published reviews and comments on their work. The article analyzes the Slutsky's poems on the Armenian theme. They don't constitute a single cycle and written at different times, and it indicates a constancy of interest to Armenia. Some of these poems have a high artistic value.

Key words: *frontline generation, monument to the alphabet, Hakob Kojoyan, Harutun Kalents*